

ПОСЛАНИЕ СОЛЖЕНИЦЫНА: НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Курские. — 1994. — 26 авг. — с. 10

26.8.94.

Основной смысл первого публичного выступления Александра Солженицына сразу же после падения Берлинской стены и последующего краха и распада бывшего Советского Союза заключался в отчаянной мольбе о возврате к христианским ценностям и принятии с покорностью "Единой и Высшей Власти над нами", ведущих к самоограничению. Поводом для выступления стало присуждение Александру Солженицыну звания почетного доктора философии Международной академии философии в княжестве Лихтенштейн 14 сентября 1993 г. Моральная твердость и бесстрашие, проявленные Лихтенштейном и его монархом, ныне покойным Францем-Йозефом II, представившим в конце второй мировой войны политическое убежище большому числу советских граждан в тот момент, когда западные союзники передали победоносному сталинскому режиму на верную смерть множество советских людей, побудили Солженицына обратиться к миру с изложением своих взглядов именно в этом крошечном государстве.

Было интересно услышать его реакцию на крах бывшего СССР и коммунизма, познакомиться с его взглядами на капитализм и, возможно, с мыслями о третьем пути развития, ведущем к более справедливому обществу. Однако, слегка коснувшись этих вопросов, Солженицын нарисовал глобальную картину мира, окрашенную тонами пессимизма и уныния. Говоря о политике и этике, он отметил, что человечество не имеет будущего, если основные моральные требования к человеку не будут также распространены на политику стран, правительств, парламентов и партий. В этом отношении Россия после обретения независимости преуспела в гораздо меньшей степени, чем Запад. Фактически Солженицын не исключает кошмара возрождения коммунизма в России. Неравенство усиливается здесь в устрашающих масштабах и вызывает ностальгию по тому, что он называет прошлым "равенством в бедности".

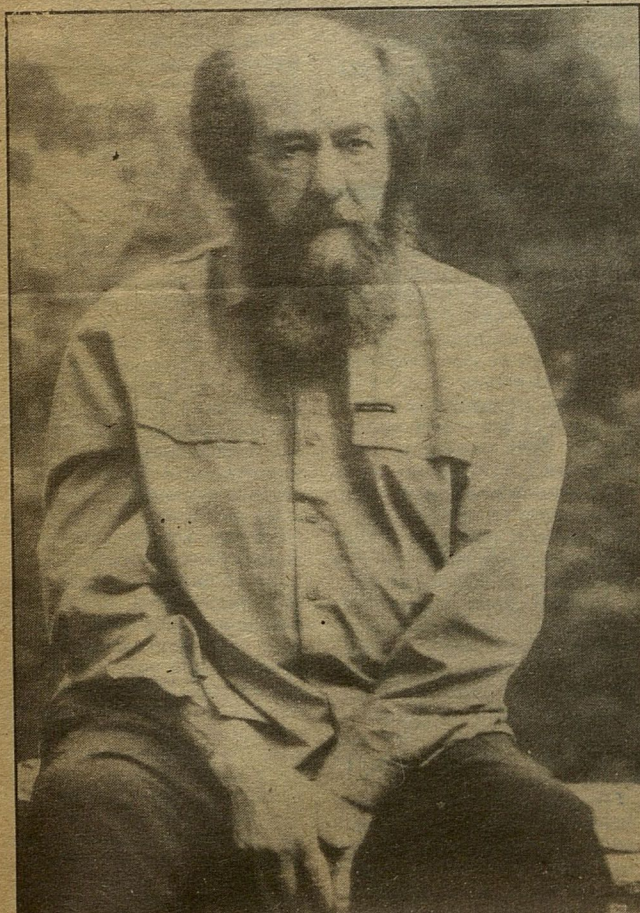
Сохранение коммунистических институтов и резерва коммунистических кадров предвещает, по его мнению, мрачное будущее. Но Солженицын отвергает и путь через установление правопорядка, считая "правовой реализм" не более чем средством поощрения аморального поведения. Здесь возникает вопрос: что еще кроме рамок закона может предотвратить эксцессы капитализма, которые мы наблюдаем сегодня в России, при условии, что моральные истоки этого правопорядка приемлемы с точки зрения этики? В основе успеха социального рыночного хозяйства германского типа была, конечно, его эффективная и всеобъемлющая правовая защита общества.

Единственная форма прогресса?

Мы также должны спросить себя, прав ли Солженицын, указывая на технологический прогресс (особенно в сфере создания комфорта и военных новинок с фатальными последствиями) как на единственную форму прогресса, и если да, то следует

В чем наше предназначение? Что мы должны сделать? Можем ли мы сделать то, что мы должны? В то время, когда Солженицын возвращается на родину, а мы приближаемся к началу XXI века, английский профессор Стивен Ф. ФРАУЗН анализирует ответы писателя на эти вопросы.

■ Профессор Стивен Фрауэн является руководителем программы экономических исследований этических проблем финансовой сферы в Институте фон Хюгеля при Сент-Эдмундз колледже Кембриджского университета, а также почетным исследователем в Департаменте экономики в Университетском колледже Лондона.

■ Александр СОЛЖЕНИЦЫН: В чем наше предназначение?

ли при любых обстоятельствах рассматривать технологический прогресс как негативное явление?

Конечно, духовный прогресс всегда должен занимать почетное место, а тот факт, что ограниченные мировые ресурсы не обеспечивают неограниченный экономический рост, уже был отмечен более 20 лет назад Е. Ф. Шумахером в его классическом "исследовании экономики, как если бы люди что-то значили", озаглавленном "Малое прекрасно". Тем не менее технологический прогресс в допустимых пределах породил не только общество потребления с допустимым компромиссом между совершенствованием комфорта и духовным развитием. Он принес с собой, например, достижения в области медицины, выразившиеся в значительном снижении человеческих страданий и продлении жизни. А это породило, надо признать, свои собственные проблемы, такие, как одиночество пожилых людей и растущее социальное бремя для более молодого поколения.

Если говорить о плюсах, то технологический прогресс привел к созданию новых рабочих мест и росту производительности труда, то есть увеличению часовой выработки на одного занятого, а также в определенной мере способствовал улучшению условий жизни в странах третьего мира. Но в целом Солженицын не выглядит противником прогресса как такового, поскольку он рассматривает его как "дар свыше, ниспосланный нам для крайне трудного испытания нашей собственной свободной воли". Если эта свободная воля приведет человека к мысли, что он является центром мироздания вместо признания неизменной Высшей вла-

сти, то тогда жизнь будет постоянно убыстряться благодаря все более сложным компьютерам и другим устройствам. И в конце концов возникнет вопрос: "А для чего мы живем?"

Итак, на пороге XXI века, покончив с эрой балансирования на грани ядерной катастрофы, обнажившей наш духовный вакуум, Солженицын ставит вопросы: "В чем наше призвание? Куда мы идем?" Стартовая позиция, по его мнению, выглядит довольно уныло: экологический кризис, демографический взрыв плюс колоссальная задолженность слаборазвитой части третьего мира на фоне слабеющей капиталистической системы.

Некоторые из этих вопросов были рассмотрены автором данной статьи на конференции, организованной Институтом фон Хюгеля в Кембридже по поводу 100-летия папской энциклики "Рерум Новарум". Положение, при котором 1/6 населения мира, живущая в промышленно развитых странах, потребляет большую часть мирового производства, не может и не должна длиться бесконечно. Солженицын прав, предупреждая о "войнах за выживание" как новых и опасных видах конфликтов на нашей планете, которые неизбежны, если экономически передовые страны не прекратят проводить свою эгоистическую политику, игнорирующую конструктивные и дальновидные выводы доклада В. Брандта. Практическая реализация этих рекомендаций, ориентированных на долгосрочную программу развития третьего мира, уже значительно продвинулась бы вперед к ликвидации разрыва между Севером и Югом и уже принесла бы пользу всем странам, включая Россию и ее бывших сателлитов.

Что нам надо сделать?

Предмет этики в его традиционной интерпретации не только спрашивает, что означает добро, но и поднимает вопросы: "Что мы должны сделать?" и "Способны ли мы сделать то, что мы должны сделать?" На первый из этих вопросов Солженицын отвечает призывом к самоограничению. Ограничение наших желаний он рассматривает как "фундаментальный и мудрейший шаг человека, обретшего свободу". Далее принцип самоограничения должен быть также применен к группам, профессиям, партиям и целым нациям. Самоотрицание такого масштаба имело бы всемирные последствия, на которые Солженицын указывает, но которые он избегает обсуждать в подробностях. Однако детальный анализ этой проблемы был бы очень важен для выяснения: можем ли мы действительно сделать то, что мы должны сделать.

Например, если бы потребители во всех промышленно развитых странах прибегли к самоограничению путем резкого сокращения своего спроса на потребительские товары, то краткосрочные и, может быть, долгосрочные последствия для производителей, инвестиций в основной капитал, уровня занятости и правительств, равно как и для развивающихся стран третьего мира как поставщиков сырья и других товаров, были бы разрушительны. Мы столкнулись бы со все углубляющейся рецессией в мировой экономике. Как только доходы правительства уменьшились бы ввиду снижения национального дохода, часть которого поступает в госбюджет в виде налогов, то этих доходов уже не хватило бы на покрытие важнейших общественных услуг. Покрытие бюджетного дефицита, порожденного подобной ситуацией, за счет государственного займа привело бы к повышению учетной ставки, что, в свою очередь, вызвало бы снижение деловой активности. Фактически возник бы порочный круг, неопределенно долгое существование которого правительства не могут себе позволить.

Тем не менее есть решение, которое обеспечивает большую справедливость, помогает избежать войн за выживание и может обеспечить выживание нашей планеты. Это решение могло бы основываться на самоограничении со стороны более богатых людей, но, в отличие от самоограничения, ведущего к спаду общего потребительского спроса, крупномасштабная программа перераспределения через добровольные или принудительные налоги могла бы повернуть потребительский спрос в сторону беднейших слоев населения в каждой стране и от богатых к бедным нациям. Как указывалось в докладе В. Брандта, это последнее обстоятельство имело бы позитивные последствия для промышленно развитых стран, поскольку масштабная передача ресурсов в указанном направлении принесла бы пользу бедным регионам мира, имеющим более высокую склонность к потреблению по сравнению с промышленно развитыми странами, тем самым создавая повышенный спрос в этих последних. В целом мировое производство оставалось бы, разумеется, под строгим контролем, чтобы защитить нашу, уже находящуюся под угрозой окружающую среду.

Можем ли мы сделать то, что мы должны?

Напомним последний из наших основных этических вопросов: "Можем ли мы сделать то, что мы должны сделать?" Ответ не утешителен. На национальном уровне существуют опасения в отношении того, что при нашей демократической системе любая партия, предлагающая программу далеко идущего перераспределения доходов через соответствующее изменение налогов, будет иметь мало шансов победить на выборах. Для партии у власти шансы быть переизбранной были бы весьма малы. За исключением того случая, когда все партии согласились бы проводить этическую политику. На международном уровне барьеры выглядят еще более непреодолимыми. Конечно, каждый может содействовать решению мировых проблем путем личного участия, но в конечном итоге нам надо позаботиться о поиске коллективных решений через консенсус. Но в этом отношении история помощи третьему миру, оказываемой, например, промышленно развитыми странами не очень обнадеживает. Эта помощь никогда не превышала крайне малой доли их общего производства.

Более существенная передача ресурсов в пользу третьего мира была реализована в виде обязательной помощи и приняла форму избыточного кредитования развивающихся стран банками промышленно развитых стран. При этом многие кредиты были впоследствии списаны. Однако положительный эффект этих займов был более чем перекрыт тем бременем расходов, которые страны третьего мира все еще вынуждены нести в связи с обесцениванием их задолженности банкам промышленно развитых стран. Эти расходы во многих случаях поглощают катастрофически высокую долю их столь нужных им самим экспортных доходов в твердой валюте.

Солженицын прав, заявляя, что единственный подлинный прогресс — это "итог духовных прогрессов отдельных людей, степени их самосовершенствования в течение всей их жизни". Такого прогресса нельзя ожидать в ближайшее время, так как для его достижения нужны поколения. Пока же должны быть найдены доступные решения, чтобы спасти нашу планету. Если бы у нас было ясное понимание нашего предназначения, то это было бы большим подспорьем.

Статья представлена "Курятам" издателем журнала "The month magazine".